

О русской жестикуляции с лингвистической точки зрения (к выходу монографии Е. А. Гришиной)

© 2018

Ольга Викторовна Федорова

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия;
Институт языкознания РАН, Москва, Россия; olga.fedorova@msu.ru

Аннотация: Обзор написан в связи с выходом в свет монографии Е. А. Гришиной «Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения» (2017) и посвящен описанию современных корпусных исследований в области жестикуляционной, или мультимодальной, лингвистики, которая занимается изучением спонтанной жестикуляции в ее отношении к русской устной коммуникации в целом. В работе описываются особенности подхода Е. А. Гришиной, которые в совокупности делают проведенные ею исследования уникальными как для отечественной лингвистики, так и в мировом масштабе.

Ключевые слова: жестикуляция, мультимодальная лингвистика, устная коммуникация

Для цитирования: Федорова О. В. О русской жестикуляции с лингвистической точки зрения (к выходу монографии Е. А. Гришиной) // Вопросы языкознания. 2018. № 5. С. 114–123. DOI: 10.31857/S0373658X0001400-9.

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект № 14-18-03819). Автор выражает благодарность А. А. Кибрику за полезные советы при подготовке данной статьи.

Russian gestures from a linguistic perspective (dedicated to the publication of Elena A. Grishina's monograph)

Olga V. Fedorova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
Institute of linguistics RAS, Moscow, Russia; olga.fedorova@msu.ru

Abstract: The present survey celebrates the publication of Elena A. Grishina's monograph "Russian gestures from a linguistic perspective" (2017) and is devoted to the description of modern corpus studies in the field of gestural, or multimodal, linguistics, which examines spontaneous gestures in their relation to oral communication. The survey describes the features of Elena A. Grishina's approach, which make her research unique not only for Russian linguistics, but also internationally.

Keywords: gesticulation, multimodal linguistics, oral communication

For citation: Fedorova O. V. Russian gestures from a linguistic perspective (dedicated to the publication of Elena A. Grishina's monograph). *Voprosy Jazykoznanija*. 2018. No. 5. Pp. 114–123. DOI: 10.31857/S0373658X0001400-9.

Acknowledgements: This study is supported by Russian Science Foundation (grant No. 14-18-03819). The author is grateful to A. A. Kibrik who provided useful input during the preparation of the paper.

Введение

Настоящий обзор, написанный в связи с выходом монографии Е. А. Гришиной¹, посвящен корпусным исследованиям в области жестикуляционной лингвистики — составной

¹ Е. А. Гришина. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения. Корпусные исследования. М.: Издательский дом ЯСК; Языки славянской культуры, 2017, 744 с. ил. (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning). ISBN 978-5-94457-301-8.

части лингвистики в широком смысле слова, которая занимается описанием спонтанной жестикуляции в ее отношении к устной коммуникации в целом. Другой, и пожалуй, более популярный сейчас термин для обозначения этой области исследований — мультимодальная (или мультиканальная)² лингвистика, см. [Кибрик 2018; Scollon 2006; Knight 2011; Abuczki, Esfandiari 2013; Müller et al. 2014] и мн. др. Интерес к изучению жестикуляции возник очень давно, о ней рассуждали еще Аристотель и Цицерон [Kendon 2004: 17], а в первой половине XX в. Э. Сепир называл жесты «тщательно разработанным, но секретным кодом, который нигде письменно не зафиксирован, никому не известен, но всеми понятен» [Sapir 1927: 556] (здесь и далее перевод мой). Однако в отдельное направление мультимодальная лингвистика оформилась относительно недавно, в конце 1980-х гг. (см., в частности, [Taylor 1989]), и стала постепенно набирать обороты в своем развитии. Согласно принятому определению, мультимодальный корпус — это «аннотированное собрание скоординированной информации из разных коммуникативных каналов, включая речь, направление взгляда, мануальные жесты и язык тела, которое обычно создается на материале записей человеческого поведения» [Foster, Oberlander 2007: 307—308]. В последнее десятилетие развитие разнообразных мультимодальных исследований происходит особенно стремительно, однако даже на этом фоне выход в свет книги Е. А. Гришиной «Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения. Корпусные исследования» — событие важное и даже уникальное не только для русскоязычной лингвистики, но и в мировом масштабе (поэтому перевод монографии на английский язык был бы очень желателен).

Елена Александровна Гришина (08.02.1958–23.03.2016) — лингвист, лексикограф, исследователь русской устной речи и жестикуляции. В 1980 г. окончила русское отделение филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, в 1989 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Структура поэтического текста с точки зрения теории речевых актов (на материале русского восьмистишия начала XX века)» под руководством А. И. Кузнецовой. С 1993 г. работала в Институте русского языка. С 2003 г. — активный участник коллектива Национального корпуса русского языка, идеолог и разработчик устного модуля. Однако наибольшую известность получили ее работы по исследованию русской жестикуляции. За сравнительно небольшой период времени Е. А. Гришина успела пройти колоссальный путь: задумав проект Мультимедийного корпуса в составе НКРЯ в 2005–2006 гг., она реализовала эту идею уже в 2010 г., а ее многочисленные публикации на эту тему (особенно плодотворной в этом смысле стала для нее конференция «Диалог», www.dialog-21.ru) были сначала сведены вместе в сборнике [Гришина 2012], а затем серьезно переработаны, дополнены и систематизированы в монографии, послужившей поводом для написания настоящего обзора.

Прежде чем переходить к последовательному обзору глав монографии, постараемся определить, в чем ее особенность. На наш взгляд, можно выделить семь важных черт, которые отличают книгу Е. А. Гришиной от других подобных работ.

1. Уникальность vs. воспроизводимость жестов

В 1988 г. классик жестовой лингвистики Адам Кендон предложил различать жесты по трем параметрам: обязательность сопровождающей их речи, наличие системной организации и степень регулярности жестикуляции [Kendon 1988]. В 1992 г. другой классик

² В психологии и нейрофизиологии модальность определяется как принадлежность сигнала к определенной сенсорной системе человека. В настоящее время больше распространен термин «мультимодальный», однако корректнее говорить о «мультиканальной» или «бимодальной» коммуникации, так как в данной области пока изучаются только две модальности — вокальная (слуховая) и кинетическая (зрительная), а остальные модальности, например обоняние или осязание, остаются за пределами рассмотрения.

Дэвид Макнил представил выделенные Кендоном типы в виде шкалы, назвав ее «континуумом Кендона» [McNeill 1992]. На крайнем левом полюсе этой шкалы располагаются **речевые жесты** (термин Е. А. Гришиной, англ. co-speech gestures), которые 1) требуют сопровождающей речи, в отличие от пантомимы, 2) не образуют системы, в отличие от языка жестов, и 3) спонтанны, в отличие от жестов-эмблем³. Макнил писал, что речевыми жестами он называет «идиосинкратические спонтанные движения рук, сопровождающие речь» [Ibid.: 37]. Таким образом, в конце XX в. при исследовании спонтанной жестикуляции господствовал подход, согласно которому жесты являются уникальными и невоспроизводимыми.

В последние годы, однако, все больше исследователей начинают изучать повторяющиеся, воспроизводимые жестовые паттерны. Один из ярких примеров — работы группы Корнелии Мюллер, в которых описаны рекуррентные, повторяющиеся (англ. recurrent) компоненты жестов [Ladewig, Bressemer 2013; Bressemer, Müller 2014; Müller 2017], подробнее см. ниже. Для Гришиной воспроизводимость параметров жестов является одним из важнейших теоретических постулатов — она пишет, что «задача книги — систематическое описание речевых жестов, выровненных с речью, **с целью определить их повторяющиеся, воспроизводимые компоненты** и основные семантические характеристики последних» [Гришина 2017: 15] (выделение мое. — *О. Ф.*).

2. Жесты и речь

Другой ключевой вопрос мультимодальных исследований — насколько речь и жесты связаны между собой в когнитивной системе человека. Макнил полагает, что жесты и речь одновременно активируются в одном общем источнике (так называемая «точка роста», англ. growth point [McNeill 1992] или «психологический предикат» [Выготский 1934]) и, следовательно, синхронизированы как на фонологическом уровне, так и на уровне семантики (выражают один концепт) и прагматики (выполняют одну прагматическую функцию). Согласно другим авторам (например, [Kita, Ozyurek 2003]), жесты и речь планируются в разных модулях и, соответственно, никаких гипотез о жесто-речевой синхронизации в рамках данных моделей не выдвигается. Гришина однозначно занимает позицию Макнилла и пишет, что идея точки роста «лежит в основе понятия мультимодальности устной речи» [Гришина 2017: 27].

Однако встает вопрос: как правильнее исследовать наблюдаемое выравнивание (англ. alignment) между речью и жестикуляцией? Один из возможных подходов, который, пожалуй, преобладает в современных исследованиях, — аннотировать речь и жесты независимо друг от друга (т. е. размечать речь по аудиофайлу, а жесты — с выключенным звуком), а затем анализировать корреляции между ними. Такой подход используется в популярном проекте Neuroges — ELAN (подробнее см. [Lausberg, Sloetjes 2015] и <http://neuroges.neuroges-bast.info>). Другой, в некотором смысле компромиссный подход, состоит в том, чтобы на первом этапе аннотировать жесты и речь независимо, а потом проверять сложные случаи с включенным звуком. Такой подход используется, в частности, в нашем мультимедийном проекте «Язык как он есть: русский мультимодальный дискурс»⁴. Наконец, третья возможность, которая реализована в рассматриваемой книге — сразу рассматривать речь и жесты как единое целое, то есть анализировать так называемые **мультимодальные кластеры** (т. е. неслучайные сочетания жестов и речи: термин Гришиной, один из самых важных для нее, подробнее см. [Гришина 2011a]). Как пишет автор, «именно определение состава — хотя бы предварительного, — мультимодальных кластеров, характерных для устной русской речи, и является основной задачей данной книги» [Гришина 2017: 27].

³ Про жесты-эмблемы подробнее см. работы Г. Е. Крейдлина, в том числе его книгу [Крейдлин 2002].

⁴ Проект РНФ «Язык как он есть: русский мультимодальный дискурс» выполняется в Институте языкознания РАН, руководитель А. А. Кибрик, вебсайт: multidiscourse.ru.

3. Комбинаторность и композициональность жеста

Е. А. Гришина определяет жест как «двусторонний знак, имеющий означающее (движение того или иного органа человеческого тела) и означаемое (значение, смысл этого знака)» [Там же: 11]. Далее она пишет: «...принципиальным для нашей работы является утверждение (...) о композиционном характере жеста: каждый жест — это некоторое целое, которое образовано набором значимых признаков. Каждый из этих признаков выделяется по определенному основанию и принимает некоторый ограниченный набор значений. Комбинация этих значений дает интегральную семантику жеста» [Там же: 23–24]. У подобного подхода пока не очень много сторонников. Прежде всего стоит отметить работы Женевиэвы Кальбрис, которой принадлежат известные слова о том, что жест мотивирован, а языковой знак произволен [Calbris 2011: 40–41], а также упомянутые выше работы Мюллер; в отечественной традиции см. описание Г. Е. Крейдлина [2007].

Опишем немного подробнее работу [Bressem, Müller 2014], посвященную исследованию немецких рекуррентных жестов. Корпус, на материале которого было выполнено это исследование, включал записи естественной коммуникации, политические дебаты, академические лекции, ток-шоу на телевидении, а также экспериментальные данные (в сумме 24 часа видеозаписи). В результате проведенной работы авторы сформировали список из 16 повторяющихся жестовых паттернов, характерных для немецкой коммуникации, каждый из которых был детально проанализирован. Описание каждого паттерна состояло из названия, схемы жеста, описания прототипической формы, нескольких примеров сопровождающей речи, ядерного значения, типичной иллюстрации и прагматической функции. Как мы увидим в дальнейшем изложении, монография Е. А. Гришиной чем-то напоминает данное исследование, однако проведенный анализ оказывается еще более детальным, а материал включает не только повторяющиеся жесты рук, но и жесты головы, а также движение взора.

4. Материал исследования

Исследование Гришиной выполнено на материале Мультимедийного русского корпуса (МУРКО), который является частью [НКРЯ]. МУРКО был задуман и создан самим автором [Гришина, Савчук 2008; Гришина 2009; 2011б; Grishina 2010], пилотный вариант был открыт в 2010 г., сейчас корпус насчитывает более 4,7 млн. словоупотреблений. Корпус включает обширную кинематографическую часть, а также устную публичную речь и записи радио- и телеспектаклей.

Посмотрим, на каком материале подобные исследования проводятся в мировой практике. Так как большинство мультимодальных проектов принадлежит к области психологии или психолингвистики, полученные в результате корпуса обычно содержат экспериментальный материал. В последние годы стали появляться и другие корпуса, более или менее гомогенные, собранные более экологически чистым способом, см. корпус группы К. Мюллер, описанный в предыдущем разделе. Однако нам удалось найти только один более или менее солидный источник, описывающий кинематографические исследования жестов, — это специальный выпуск журнала «Journal for Cultural Research» за 2015 г. под названием «Screen Signs: Cultures of Gesture in Cinema». Таким образом, кинематографический материал, являясь общедоступным, практически никем раньше не анализировался.

Конечно, встает вопрос, насколько кинематограф представляет собой экологически валидный материал, ведь игра актеров может вносить элемент неестественности. Гришина пишет, что частично подготовленная и неподготовленная речь отличаются друг от друга с точки зрения жестикуляции только в случае морганий, подробнее см. ниже, а «во всех остальных случаях, т. е. при обследовании всех остальных типов жестов, нами не было обнаружено никакой принципиальной разницы в жестикуляции, сопровождающей частично подготовленную (кинематограф) и полностью не подготовленную речь (научный и повседневный дискурс)» [Гришина 2017: 16]. Окончательную точку в этом вопросе, однако, можно

будет поставить только по результатам скрупулезного анализа спонтанной (некинематографической) жестикуляции, аналогичного описанному в данной книге.

5. Статистический анализ материала

При статистическом анализе собранного материала Гришина последовательно применяла критерий хи-квадрат, который является простым и в то же время надежным способом определения наличия связи между двумя явлениями. Важным преимуществом выбранного подхода является последовательность в применении одного и того же критерия во всех однотипных случаях, что делает сравнимыми результаты, полученные при разных подсчетах. Тем не менее ограничение статистического анализа хи-квадратом представляется несколько спорным решением, поскольку довольно велика вероятность потери некоторых корреляций, для которых хи-квадрат оказался недостаточно чувствительным. Анализ собранного материала более тонкими параметрическими критериями может открыть в будущем какие-то новые закономерности.

6. Система поиска и открытость материала

Одно из своих важнейших достоинств корпус МУРКО разделяет с остальными модулями НКРЯ — в случае МУРКО корпус дает возможность осуществлять поиск не только по произносимому тексту, но и по жестам и типу речевого действия. Например, если мы наугад выберем актера «Анатолий Папанов», в качестве основного органа — «рука», ориентацию кисти — «внутри», пассивный орган — «мизинец + палец безымянный», а направление движения — «вперед», то мы получим клип из кинофильма «Бриллиантовая рука» Л. Гайдая (1968) с участием Анатолия Папанова и Андрея Миронова. Мы можем скачать этот фрагмент, а также просмотреть предыдущий и последующий фрагменты. Насколько нам известно, открытых мультимодальных корпусов в мировой мультимодальной лингвистике пока совсем мало, а корпусов с такой подробной разметкой нет ни одного.

Также стоит отметить несомненно удачное решение автора выложить в интернет все клипы, упомянутые по тексту книги. Так, примеры, использованные в главе 3 «Указание большим пальцем», выложены по адресу <https://yadi.sk/d/grL1hOdxkopmN>.

7. Представление материала

Последняя, но также очень важная особенность данной книги — это тщательно продуманная и практически безупречная система рисунков и таблиц по тексту книги, условных обозначений — пиктограмм (с. 620), обобщающих таблиц (с. 621 и далее) и рисунков (с. 638 и далее), а также система указателей, за которыми видна очень большая и серьезная работа [Гришина 2017]. Такими же были и презентации Е. А. Гришиной на конференциях — продуманными, яркими, артистичными и запоминающимися.

Перейдем теперь к анализу отдельных глав монографии. Книга включает в себя введение и четыре части. Во введении (глава 1) перечислены основные понятия и термины данного исследования, многие из которых уже были названы выше. Отметим два важных момента, которые еще не упоминались. Во-первых, в первом разделе книги определяется само понятие жеста. В отличие от Кендона, который выделяет пять различительных признаков жеста, Гришина считает значимыми только два из них — контролируемость и бескорыстие. «Под контролируемостью жеста, — пишет автор, — имеется в виду возможность для говорящего *не совершать* данное физическое действие» [Там же: 10] (выделение автора. — О. Ф.). Бескорыстие — это отсутствие практической, утилитарной цели, которая характеризует другой тип движений, так называемые «адапторы» (англ. self-adaptors [Ekman, Friesen 1969]). Адапторы — это физиологически мотивированные движения, связанные с поиском более

удобного положения в пространстве или снятием телесного дискомфорта. Во-вторых, Гришина вводит свой собственный термин, который проходит через всю книгу — понятие этимона. **Жестикуляционный этимон** — «это некоторое явление внежестикуляционной (и внеязыковой) действительности, которое служит основанием для метафорических переносов, лежащих в основе того или иного жеста» (сноска на с. 588).

В первой части книги, «Система русских указательных жестов», содержится описание дейктических жестов, осуществляемых рукой или головой и указывающих на внешние по отношению к говорящему объекты или на самого говорящего. Эта часть состоит из четырех глав. В главе 2 приводится инвентарь ручных указательных жестов, а также вводятся термины «жестема» и «алложест» (по аналогии с «аллофоном»). Жесты рассматриваются не как единое и неделимое целое, а как отдельные **вертикальные лигатуры** (этот термин, по-видимому, навеян лекциями А. А. Зализняка о санскрите). Сначала Гришина перечисляет этимоны, лежащие в основе ручных указательных жестов (в частности, геометрические этимоны ‘точка’, ‘прямая’, ‘плоскость’ и прагматические этимоны ‘подавление’, ‘вектор’). В последующих разделах содержится описание исследования, выполненного на материале 1300 жестопотреблений и посвященного анализу ручных указательных жестов, сопровождающих указательные частицы и местоимения *вот, здесь, этот, тут* и пр. В заключительном разделе все основные сведения суммированы в виде таблицы. Подобные таблицы, сопровождающие каждую главу, видятся очень удобным способом подытоживания описанного материала.

Глава 3 представляет собой замечательное исследование относительно редкого типа указания — **указания большим пальцем**. Впервые это явление было исследовано Кендоном, который пришел к выводу, что подобный тип указания используется в тех случаях, когда точная локализация объекта или его точная идентификация не важны [Kendon 2004: 218–222]. Проанализировав 106 жестопотреблений, встретившихся в ее корпусе, Гришина приходит к схожим выводам, отмечая при этом важную особенность: если указание осуществляется указательным пальцем, то говорящий часто предварительно смотрит на объект указания (так называемый **шерпа-взгляд**); если же говорящий указывает большим пальцем, он обычно смотрит на собеседника. Данное наблюдение будет интересно проверить с использованием методологии айтрекинга.

Глава 4 описывает указательные жесты головы, которые пока изучены заметно хуже, чем жесты рук. Автор предлагает инвентарь русских головных указательных движений и описывает собственное исследование, выполненное на материале 439 примеров дейктических движений головы. Особенно интересен анализ жеста «указание подбородком», который раньше был мало описан, хотя является самым частотным типом жеста среди жестов головы.

В главе 5 «Автодейкسيس», завершающей первую часть, систематизированы 400 жестов, указывающих на говорящего. Хотя данное явление представляется автору стандартным дейктическим сопровождением устной речи, оно также мало изучено — Гришина приводит только одну солидную работу, посвященную автодейксису [Cooperrider 2014]. В главе проводится различие между перформативным и диктальным автодейксисом: первый привлекает внимание к событию, а второй ориентирован на дублирование или замещение семы ‘я’.

Во второй части, «Русские изобразительные жесты. Фрагменты системы», описаны те компоненты жестов, которые имеют преимущественно изобразительный характер; выводы автора основаны на анализе 4400 русских жестопотреблений. Гришина анализирует материал по трем основным параметрам: 1) направление движения руки и головы; 2) семантика конфигурации ладони и сложных траекторий движения руки; 3) влияние на жестикуляцию точки зрения говорящего. В главе 6 «Язык в декартовых координатах: поперечная и сагиттальная оси», открывающей данную часть, приведен подробный семантический анализ движений по поперечной (направо — налево) и сагиттальной оси (вперед — назад). Анализируя литературу, автор пишет: «Сагиттальная ось совпадает с направлением движения человека вперед. Считается, что на этой оси (...) будущее расположено впереди говорящего, настоящее — под его ногами, а прошлое — за его спиной» [Гришина 2017: 207]. Поперечная ось,

наоборот, задается направлением чтения, принятым в данной культуре, поэтому на этой оси отмечается относительное время. В разделе «Правое и левое» обсуждается прагматическая мотивированность выбора между правой и левой рукой.

Глава 7 посвящена описанию русских приставок и глагольных корней, которые, по словам автора, «обладают определенной жестикуляционной самостоятельностью и влияют на пространственную ориентацию всей глагольной лексики» [Там же: 202]. Основываясь на известной идее Талми о противопоставлении языков глагольного и сателлитного типа [Talmy 1975], Гришина показывает, что приставки и глагольные корни тяготеют к определенным направлениям движения рук и головы относительно говорящего, а также к определенным траекториям движения руки.

В главе 8 «Язык в декартовых координатах: вертикальная ось» описаны значения, связанные с вертикальной осью (вверх — вниз). Гришина подробно рассматривает четыре основных жестикуляционных этимона, к которым возводятся все замеченные случаи: 'верх' / 'низ', 'выше' / 'ниже', 'расстояние' и 'здесь'. В таблице 8.6 обобщаются данные, приведенные в последних трех главах.

Глава 9 «Сложные жестикуляционные траектории» посвящена исследованию семантики кругов и колебаний. Данная глава написана на материале более 1000 жестопотреблений, взятых из некинематографической части МУРКО, в основном из передач НТВ «Гордон» и видеозаписей конференции «Диалог». Гришина последовательно описывает типы колебательных движений (противофаза, симметричные колебания), типы контекстов, которые сопровождают колебательные движения ('неуверенность', 'несущественность', 'точка отсчета', 'двойственность', 'разнообразие'), соотношение типов колебаний и типов контекстов, топологию круговых движений, основные круговые движения и фигуры (окружность, круг, эксцентрические окружности, циклоида, шар, свиток), топологические характеристики круговых фигур, основные типы контекстов, которые сопровождаются круговыми движениями, а также соотношение типов круговых движений и типов контекстов.

В главе 10 содержится описание конфигурации ладоней, которые сводятся к двум основным типам: конфигурация «соединение пальцев» (около 600 жестопотреблений) и конфигурация «кулак» (около 400 жестопотреблений). Гришина приводит обширную библиографию предыдущих исследований, выполненных прежде всего на материале итальянского языка, среди которых известные работы [Kendon 2004; Calbris 2011]. Важное отличие подхода автора монографии от подхода Кендона состоит в том, что Кендон рассматривает жест как единство конфигурации руки, ориентации ладони, направления движения руки и его кратности, а Гришина описывает, какие значения может передавать конфигурация ладони вне зависимости от остальных трех параметров.

В завершающей вторую часть главе 11 «Жесты и точка зрения» автор предлагает читателю две отдельные зарисовки: «отрицание» и «кванторы». Описывая отрицание, Гришина делит отрицательные жесты на основные и факультативные. Основные могут использоваться в режиме пантомимы (то есть без речевого сопровождения) в качестве отрицательного ответа на вопрос без дополнительных компонентов, а факультативные всегда вносят дополнительную прагматику. Жесты, сопровождающие кванторные слова *весь (всё), все, каждый и любой*, описаны на материале 400 контекстов, отобранных из МУРКО.

В третьей части книги описываются **служебные жесты** (термин автора), которые имеют следующие отличительные особенности: они не используются в режиме пантомимы, выполняют функцию организации высказывания, осуществляются в основном глазами действиями, а также мимическими движениями, подхватами (англ. *catchment*) и пред- и постударными удержаниями; наконец, служебные жесты тесно связаны с процессом порождения речи. В главе 12 «Грамматика взгляда» Гришина исследует направление взгляда коммуникантов на границах реплик, анализируя кинокомедии «Бриллиантовая рука» Л. Гайдая (1968) и «День выборов» О. Фомина (2007). Оказалось, что если говорящий обращается непосредственно к слушающему, то на границе реплик он смотрит на собеседника, контролируя процесс передачи реплики. Если же говорящий осуществляет нейтральный речевой

акт, не требующий от собеседника немедленной реакции, его взгляд обычно направлен в пространство. Полученные результаты в целом согласуются с нашими данными, полученными при анализе мультимедийной коммуникации с использованием очковых-айтрекеров.

Глава 13 «Закрытые глаза: пунктуация и акцентуация» посвящена описанию морганий. Так как моргания в подготовленной речи отличаются от морганий в спонтанной коммуникации, для анализа были использованы видеофрагменты, включающие теленатюрные выступления на конференциях и неформальную коммуникацию. Гришина сравнивает моргания при сопровождении звучащей речи с морганиями в русском жестовом языке [Прозорова 2009] и показывает, что в обоих случаях функция морганий состоит в маркировании границ элементарных дискурсивных единиц.

Заключительная четвертая часть, «Сквозные темы в жестикуляции», состоит из двух глав. В главе 14 «Прагматика, семантика синтаксис» сведены вместе способы отражения прагматических, семантических и синтаксических компонентов высказываний в жестикуляции. Завершает книгу глава 15 «Жестикуляция, или Любовь к геометрии», в которой показано, как понятия евклидовой геометрии используются в качестве жестикуляционных этимонов указательных, изобразительных и служебных жестов.

В качестве небольшой критики можно перечислить некоторые терминологические недочеты. Во-первых, бросается в глаза использование термина «лингвистический» аналогично английскому «linguistic», то есть как в значении «лингвистический», так и в значении «языковой». Во-вторых, насколько нам известно, жестовый язык более принято называть языком глухих, а не глухонемых людей. В-третьих, Гришина использует как синонимами термины «изобразительный» и «иконический», которые заимствованы из разных классификаций и традиционно синонимами не считаются, что вносит некоторую путаницу. Наконец, вместо термина «фонетический» правильнее было бы, на наш взгляд, использовать «просодический» или «вокальный», в зависимости от контекста.

Последние 25 страниц книги посвящены неформальным воспоминаниям друзей и коллег Гришиной, в которых тоже легко обнаруживаются повторяющиеся паттерны и этимоны. Например, говоря о характере Лены Гришиной, все отмечают по существу одно и то же: «маленький праздник оптимизма и жизнелюбия» (А. А. Зализняк), «жизненный оптимизм» (О. Ф. Кривнова), «веселый, красивый и смелый человек» (А. А. Кибрик), «душа наших предприятий» (Д. В. Сичинава). А еще из этих воспоминаний можно узнать, что Лена любила Цветаеву, была одним из главных учителей А. А. Зализняка в компьютерном деле, осуществила первое издание (которое с кошкой) книги В. А. Плунгяна «Почему языки такие разные» (1996), получила немислимую пятерку на экзамене по старославянскому у А. К. Поливановой и собрала из своих фотографий замечательное слайд-шоу «Новгород: люди. Лето 2006» на мелодию «Скажи легко» ([youtube.com/watch?v=7UT2xxZTuzg](https://www.youtube.com/watch?v=7UT2xxZTuzg)).

Монография заканчивается такими словами Е. А. Гришиной [2017: 602]: «Если же эта книга привлечет к проблематике внимание новых исследователей, свою задачу она выполнит полностью». Не претендуя на полноту, обозначим кратко, что нового случилось в жестикуляционной лингвистике за последние два года. Во-первых, произошло очередное пополнение мультимедийного корпуса, см. сайт НКРЯ. Во-вторых, 2 июня 2016 г. на конференции «Диалог» прошла секция «Мультимодальная коммуникация. Памяти Е. А. Гришиной». В-третьих, в июне 2017 г. С. О. Савчук представила доклад «Устная публичная речь в мультимедийном модуле НКРЯ» на конференции «Корпусная лингвистика — 2017». В-четвертых, 8 февраля 2018 г., в юбилейный день рождения Лены, в Институте русского языка имени В. В. Виноградова прошли первые Гришинские чтения. В-пятых, в мае 2018 г. коллектив нашего проекта сделал свой первый доклад о жестикуляции на конференции LREC (Language resources and evaluation conference) в Японии. В этом мы тоже продолжаем традицию, заложенную Е. А. Гришиной — на этой конференции она была три раза: после конференции в Генуе-2006 у нее возникла идея корпуса МУРКО, на Мальте-2010 она уже делала доклад «First steps» о МУРКО [Grishina 2010], а через два года в Стамбуле рассказывала о Мультимедийном параллельном корпусе «Мультипарк» [Grishina et al. 2012].

Однако наиболее важным событием стал сам выход этой монографии. Книга вышла в свет через полтора года после смерти автора. Это стало возможным благодаря усилиям многих друзей и коллег Е. А. Гришиной — прежде всего, С. О. Савчук, а также Е. В. Рахилиной, В. И. Подлесской, В. А. Плунгяна, Т. Е. Янко, В. Ю. Гусева, К. В. Бабаева и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Выготский 1934 — Выготский Л. С. Мышление и речь. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. [Vygotskii L. S. *Myshlenie i rech'* [Cognition and speech]. Moscow; Leningrad: Sotsekiz, 1934.]
- Гришина 2009 — Гришина Е. А. Мультимедийный русский корпус (МУРКО): проблемы аннотации // Плунгян В. А. (отв. ред.). Национальный корпус русского языка: 2006—2008. Новые результаты и перспективы СПб.: Нестор-История, 2009. С. 150—174. [Grishina E. A. Multimedia Russian Corpus (MURCO): Annotation problems. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: 2006—2008. Novyye rezul'taty i perspektivy*. Plungian V. A. (ed.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2009. Pp. 150—174.]
- Гришина 2011a — Гришина Е. А. О мультимодальных кластерах в устной речи // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». М.: РГГУ, 2011. С. 243—257. [Grishina E. A. On multimodal clusters in spoken language. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2011»*. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011. Pp. 243—257.]
- Гришина 2011b — Гришина Е. А. Мультимедийный русский корпус (МУРКО): современное состояние и перспективы развития // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика — 2011». СПб.: СПбГУ, 2011. С. 138—144. [Grishina E. A. Multimedia Russian Corpus (MURCO): Present and future. *Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Korpusnaya lingvistika — 2011»*. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., 2011. Pp. 138—144.]
- Гришина 2012 — Гришина Е. А. Слово и жест: корпусные исследования устной речи. Саарбрюкен: LAP Lambert Academic Publishing, 2012. [Grishina E. A. *Slovo i zhest: korpusnye issledovaniya ustnoi rechi* [Word and gesture: corpus-based studies of the spoken language. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2012.]
- Гришина 2017 — Гришина Е. А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения. Корпусные исследования. М.: Издательский дом ЯСК; Языки славянской культуры, 2017. [Grishina E. A. *Russkaya zhestikulyatsiya s lingvisticheskoi tochki zreniya. Korpusnye issledovaniya* [Russian gestures from a linguistic perspective. Corpus-based studies]. Moscow: YaSK Publishing House; Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2017.]
- Гришина, Савчук 2008 — Гришина Е. А., Савчук С. О. Корпус звучащей русской речи в составе Национального корпуса русского языка // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии (по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2008»). М.: РГГУ, 2008. С. 125—132. [Grishina E. A., Savchuk S. O. Corpus of Oral Russian in the framework of Russian National Corpus. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii (po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2008»)*. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2008. Pp. 125—132.]
- Кибрик 2018 — Кибрик А. А. Русский мультимедийный дискурс. Часть I. Постановка проблемы // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 70—80. [Kibrik A. A. The Russian multichannel discourse. Part I. Problem statement. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2018. Vol. 39. No. 1. Pp. 70—80.]
- Крейдлин 2002 — Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. М.: Новое литературное обозрение, 2002. [Kreidlin G. E. *Neverbal'naya semiotika* [Non-verbal semiotics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002.]
- Крейдлин 2007 — Крейдлин Г. Е. Механизмы взаимодействия вербальных и невербальных единиц в диалоге: IIа. Дейктические жесты и их типы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». М.: РГГУ, 2007. С. 320—327. [Kreidlin G. E. Mechanisms of interaction of verbal and non-verbal units in dialogue: IIa. Deictic gestures and their types. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»*. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2007. Pp. 320—327.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Прозорова 2009 — Прозорова Е. В. Маркеры локальной структуры дискурса в русском жестовом языке. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2009. [Prozorova E. V. *Markery lokal'noi struktury diskursa*

- v russkom zhestovom yazyke. Kand. diss.* [Markers of the discourse local structure in the Russian Sign Language. Cand. diss.]. Moscow: Moscow State Univ., 2009.]
- Abuczki, Esfandiari 2013 — Abuczki A., Esfandiari B. G. An overview of multimodal corpora, annotation tools and schemes. *Argumentum*. 2013. Vol. 9. Pp. 86–98.
- Bressem, Müller 2014 — Bressem J., Müller C. A repertoire of German recurrent gestures with pragmatic functions. *Body — language — communication: An international handbook on multimodality in human interaction*. Vol. 2. Müller C., Cienki A., Fricke E., Ladewig S. H., McNeill D., Bressem J. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. Pp. 1575–1591.
- Calbris 2011 — Calbris G. *Elements of meaning in gesture*. Amsterdam: John Benjamins, 2011.
- Cooperrider 2014 — Cooperrider K. Body-directed gestures: Pointing to the self and beyond. *Journal of Pragmatics*. 2014. Vol. 71. Pp. 1–16.
- Ekman, Friesen 1969 — Ekman F., Friesen W. V. The repertoire of nonverbal behavior: Categories, origins, usage, and coding. *Semiotica*. 1969. Vol. 1. No. 1. Pp. 49–98.
- Foster, Oberlander 2007 — Foster M. E., Oberlander J. Corpus-based generation of head and eyebrow motion for an embodied conversational agent. *Language Resources and Evaluation*. 2007. Vol. 41. No. 3–4. Pp. 305–323.
- Grishina 2010 — Grishina E. Multimodal Russian Corpus (MURCO): First steps. *Proceedings of LREC'2010. Valetta, 2010*. Available at: http://www.lreconf.org/proceedings/lrec2010/pdf/143_Paper.pdf.
- Grishina et al. 2012 — Grishina E., Savchuk S., Sichinava D. Multimodal parallel Russian corpus (MultiPARC): Main tasks and general structure. *Workshop best practices for speech corpora in linguistic research in the framework of LREC'2012*. ELRA. 2012. Pp. 13–16. Available at: http://www.corpora.uni-hamburg.de/lrec2012/Proceedings_Complete.pdf.
- Kendon 1988 — Kendon A. How gestures can become like words. *Crosscultural perspectives in nonverbal communication*. Poyatos F. (ed.). Toronto: Hogrefe, 1988. Pp. 131–141.
- Kendon 2004 — Kendon A. *Gesture: Visible action as utterance*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004.
- Kita, Ozyurek 2003 — Kita S., Ozyurek A. What does cross-linguistic variation in semantic coordination of speech and gesture reveal? Evidence for an interface representation of spatial thinking and speaking. *Journal of Memory and Language*. 2003. Vol. 48. No. 1. Pp. 16–32.
- Knight 2011 — Knight D. *Multimodality and active listenership: A corpus approach*. London: Bloomsbury, 2011.
- Ladewig, Bressem 2013 — Ladewig S. H., Bressem J. New insights into the medium hand: Discovering recurrent structures in gestures. *Semiotica*. 2013. Vol. 197. Pp. 203–231.
- Lausberg, Sloetjes 2015 — Lausberg H., Sloetjes H. The revised NEUROGES — ELAN system. An objective and reliable interdisciplinary analysis tool for nonverbal behavior and gesture. *Behavior Research Methods*. 2015. Vol. 48. Pp. 973–993.
- McNeill 1992 — McNeill D. *Hand and mind: What gestures reveal about thought*. Chicago, 1992.
- Müller 2017 — Müller C. How recurrent gestures mean: Conventionalized contexts-of-use and embodied motivation. *Gesture*. 2017. Vol. 16. No. 2. Pp. 277–304.
- Müller et al. 2014 — Müller C., Cienki A., Fricke E., Ladewig S. H., McNeill D., Bressem J. (eds.). *Body — language — communication: An international handbook on multimodality in human interaction*. Berlin: De Gruyter, 2014.
- Sapir 1927 — Sapir E. The unconscious patterning of behavior in society. *Selected writings of Edward Sapir*. Mandelbaum D. G. (ed.). Berkeley: Univ. of California Press, 1927. Pp. 544–559.
- Scollon 2006 — Scollon R. Multimodality and the language of politics. *Encyclopedia of language and linguistics*. Vol. 9. Brown K. (ed.). Oxford: Elsevier, 2006. Pp. 386–387.
- Talmy 1975 — Talmy L. *Semantics and syntax of motion*. New York: Academic Press, 1975.
- Taylor 1989 — Taylor M. *The structure of multimodal dialogue*. Amsterdam: Elsevier, 1989.